

Строгого определения, какие изменения следует считать реформой языка, а какие — нет, не существует

текст

Антон Сомин

научный сотрудник Центра социолингвистики РАНХиГС

леттеринг

Света Муллари

маргиналии

Анна Кольцова

Общество консервативно. Мы ценим стабильность и не любим изменений — особенно когда эти изменения зовутся страшным словом «реформы». И неважно, какова область этих реформ: пенсионная, реформа образования или МВД. Неважно, проводят ли их абсолютно искренне для улучшения всего и вся или же лишь для того, чтобы скрыть результаты неумелого руководства. В лучшем случае они будут восприняты прохладно.

Из всего потока реформаторской деятельности особо выделяется одно направление — языковые реформы, или, как их нередко ошибочно называют, реформы языка. Интернет полон горестных стенаний о судьбах русского языка, в ходе всех реформ значительно «утратившего возможности передачи смысла и выразительности» и «упростившего многие правила» (и оттого, безусловно, деградировавшего). Об «уродующих русский язык большевиках-масонах», то и дело поминающих беса своей богохульной приставкой бес- («бессовестный — бес совестный, но у беса-то совести нет!» — волнуются на форумах). О «безжалостно выброшенной Лениным буквице ять» (и неважно, что Ленин тут ни при чем и что в половине случаев пишущие имеют в виду букву ь — «ер»).

«Тихо и неумолимо движется реформа русского языка», — переживала в начале 2000-х «Российская газета». Ее беспокойство разделяла «Литературная газета»: «До сих пор реформы были направлены на порчу графики и грамматики, а не на спасение языка». Лингвисты не соглашались: «Речи о реформе никогда и не велось, предлагалась лишь корректировка некоторых устаревших форм», — пояснял Александр Молдован, директор Института русского языка РАН, говоря о так и не воплотившемся в жизнь проекте изменений в русской орфографии, обсуждавшихся в начале 2000-х.

Так был ли мальчик (то есть реформа)? Ответ прост: строго научного определения того, какие изменения следует считать реформой, а какие для такого громкого названия слишком незначительны, нет. Просто все, кто недоволен изменениями, автоматически прикрепляют к ним «реформенный» ярлык, лингвисты же от него всеми силами откращиваются. В итоге проект изменений общество не приняло — а жаль,

он бы ликвидировал многие нелогичности в правилах орфографии.

Не проходит и десяти лет — просвещенная общественность снова в панике: на официальном уровне приняты безграмотные словари! Газеты пестрят заголовками: «Введение новых правил русского языка сделано в угоду неграмотности, считают специалисты», «Ошибки в русском языке узаконили», «Йогурт вам в вашу кофе»... Снова реформы? В отличие от предыдущего случая — даже близко нет. Если с орфографическими изменениями вопрос о том, как это называть, был скорее психологическим, чем лингвистическим, то в случае со словарями все «реформы» — просто миф, раздутый журналистами, поленившимися изучить источники.

В сентябре 2009 года вступил в силу приказ Минобрнауки, который утверждал в качестве официальных некоторые словари, вопреки слухам не содержащие ничего нового. «На допустимость в разговорной речи ударения *дóговор* и употребления слова *кофе* в среднем роде, на вариативность произношения *по средáм* — *по сре́дам* словари указывают в течение последних десяти и более лет», — писала «Грамота.ру». Допустимость — это совсем не то же, что обязательность, причем в разговорной, а не в официальной речи. Возмутивший же всех *йогурт* — это и вовсе норма начала XX века, которая по инерции кочует из словаря в словарь. Что же касается «в угоду неграмотности», то, как замечает «Грамота.ру», «главная особенность нормы — ее динамичность. Если в языке ничего не меняется, значит, язык этот мертв».

Многие другие популярные в обществе идеи о сущности языка тоже являются мифами: настоящий, хороший русский язык был раньше, а новое поколение при попустительстве лингвистов его испортило. Но и в XX, и в XIX, и в XVIII веке можно найти совершенно идентичные размышления о том, как плох нынешний язык и насколько лучше был язык предыдущих поколений: русский язык гибнет под напором заимствованных слов, а тут, вместо того чтобы с ними бороться, включают их в словари. Но русский язык на протяжении всей своей истории заимствовал массу слов (хлеб, деньги, юмор, тарелка, брюки, тетрадь...) и менее русским от этого не стал. И подобных заблуждений немало.

Так что слухи о портящих язык лингвистах-реформаторах сильно преувеличены. Лингвисты обычно предлагают изменения, обусловленные исключительно необходимостью обновить устаревшие нормы или уточнить и упростить отдельные сложные и нелогичные правила орфографии. Другое дело, когда язык сталкивается с политикой в разных ее проявлениях — будь то идеология, национальная идея или просто решения политиков, далеких от языковых проблем.

Буквы и эстетическое чувство

12 марта 2014 года Владимир

Жириновский неожиданно решил заняться языкознанием. «Букву *ы* надо запретить в русском языке! Это от монгол к нам пришло, ни в одном европейском языке буквы *ы* нет. Гортанный звук, это звери так говорят: *ы-ы*. И — все, достаточно», — заявил он перед заседанием Госдумы. Обсуждать высказывание Жириновского неинтересно: и монголы тут не при чем, и во многих европейских языках этот звук есть — от других славянских до румынского и ирландского, да и вообще немало экспертов получило тогда свою минуту славы в газетах, раскритиковав это заявление со всех сторон. Пожалуй, разве что словацкие школьники были бы рады заполучить Владимира Вольфовича в свои предводители: в этом языке действительно звуки [и] и [ы] в абсолютном большинстве случаев совпали, а вот на письме *i* и *y* продолжают различаться (примерно как *e* и *ь* в русской дореволюционной орфографии), так что книжные магазины Братиславы забиты пособиями, помогающими справиться с этой бедой.

Важнее тут другое: смешение буквы и звука, письменности и фонетики — вообще очень распространенное заблуждение. Далеко не все осознают, что даже при большом желании мы можем вмешаться только во внешнюю оболочку языка — в его орфографию, которая когда-то была людьми же и создана. А вот внутренняя структура языка, в частности его фонетика, нашим желаниям не подвластна: язык меняется сам по себе.

Но с искушением отождествлять букву и звук порой не могут справиться даже лингвисты. В 1926 году в Минске прошла ака-

Помимо перевода языков народов СССР на кириллицу в 1930-х годах, реформаторы также пробовали вмешаться и во внутреннюю их структуру: всерьез считалось, что чем больше грамматика языка похожа на русскую, тем он совершеннее. Отмечены попытки развить прилагательные в тех языках, где они не выделялись как отдельная часть речи, приблизить порядок слов к русскому. В Марийской АО даже была создана комиссия «по разработке вопроса о марийских падежах».

Рассуждая о латинизации русского языка, Николай Яковлев, один из основных участников языкового строительства в СССР 1920-х годов, писал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Таким образом, на этапе строительства социализма существующий в СССР русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм».

демическая конференция, посвященная реформе белорусской орфографии и алфавита. В своем выступлении один из выдающихся белорусских лингвистов Язэп Лесик предлагал избавить белорусский алфавит от букв *э* и *ы* (Владимир Вольфович порадовался бы) как от «не соответствующих звукам языка». «Буква *э*, — говорил он, — чисто русская буква. Наш соответствующий звук более слабый, чем русское *э*. Переноса значение русской буквы в нашу азбуку, мы неправильно передаем на письме наш звук и этим портим образ написанного слова с этой буквой. В то же время для этого звука у нас есть своя буква, которая писалась раньше. Это та же самая буква, только поставленная наоборот, — *е*. У этой буквы более красивый внешний вид и она точнее передаст звук *э*; тогда каждый, и незнакомый с нашим письмом, легко поймет, что эта буква означает особый звук, не такой, как русское *э*». Легко увидеть, что уровень аргументации не сильно превосходит логику Жириновского.

Предложение Лесика было отклонено более здравомыслящими коллегами. А буквально два года спустя в полутора тысячах километров к югу «более красивый внешний вид» буквы так сыграл свою историческую роль.

В 20-е годы XX века первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк проводил многочисленные реформы. Одной из этих реформ стала реформа письменности: было решено отказаться от использовавшейся до того времени арабской вязи и перейти на латинский алфавит. Переход на новую систему письма требовал обсуждения многих спорных аспектов соотношения графики и фонетики. Одним из них был вопрос, как отображать мягкость некоторых согласных перед задними гласными (*а*, *о*, *и* и т. п.), что, правда, встречалось только в словах, заимствованных из арабского и персидского (вроде слова *гяур* 'неверный' или имени *Кязим*), каковых, впрочем, в турецком языке того времени было немало. Одной из популярных идей было использование буквы *k* для твердого [к] и *q* (которую турки на французский манер называли *кю*) для мягкого [к] — с чем были не согласны некоторые сторонники скорейшего «отуречивания» арабизмов. Подобные споры могли бы вестись долго, но на этот раз все разрешилось очень быстро. Вот как описывает судьбу буквы *q* в турецком алфавите Фалих Рыфыкы Атай — журналист и писатель, принимавший участие в разработке нового алфавита:

«На собрании вечером того дня, когда я принес проект предложений для нового письма, Кязим-паша Эзалп пожаловался:

— Как я буду писать свое имя? У нас должна быть буква *q*.

Ататюрк ответил:

— Какая разница, одной буквой больше, одной меньше? Пусть будет.

Лишь стоило бы нам это сделать, как ни одно арабское слово так бы никогда и не «отуречилось». Но я ничего не сказал на собрании. На следующий день я пришел к Ататюрку и снова объяснил ему проблему.

Ататюрк не знал заглавных букв и писал вместо них обычные строчные, просто большего размера. Он взял лист бумаги и написал первую букву своего имени — Кемаль — сначала с увеличенной *q*, а потом с увеличенной *k*. Первый вариант ему совершенно не понравился — так что в новом алфавите мы обошлись без *q*. Слава Богу, что он не знал заглавной *Q*, которая выглядит куда более впечатляюще, чем *K*!»

Общество так болезненно воспринимает языковые реформы, что верит даже самым невероятным слухам. В августе 2012 г. в интернете широко распространилась новость о том, что Институт лингвистики в Тарту (не существующий на самом деле) объявил о возможном исключении русского языка из списка языков мира и признании его мертвым в следующем году. Выдуманная новость была перепечатана сотни раз и вызвала тысячи возмущенных комментариев.

Нам чужого не надо

В феврале 2013 года все те же депутаты от партии ЛДПР внесли в Госдуму пуристический законопроект, запрещающий употребление иностранных слов в том случае, если в русском языке есть их аналоги. Спустя полтора года профильный комитет Госдумы по культуре даже рекомендовал палате этот законопроект принять. И хотя 1 июля 2014 года он все же был отклонен, общественность всполошилась (и, в общем, не зря: продуманность законопроекта была, мягко говоря, невелика). Выступая в поддержку предложения, Жириновский вспоминал тот же турецкий язык, который Ататюрк значительно очистил от арабизмов, зампред комитета Госдумы по культуре режиссер Владимир Бортко ссылался на опыт французов, имеющих аналогичный закон.

Закон во Франции действительно есть, но реализуется он на практике с переменным успехом. Не отстают на ниве языкового пуризма и иранские власти, пытающиеся бороться с потоком европеизмов: сайт Академии персидского языка и литературы даже дает возможность всем желающим предложить свою патриотичную замену западным варваризмам — вот только *пицца* все никак не уступит свое место в меню *эластичным лепешкам с начинкой*. Все-таки в наше время законодательно влиять на словарный состав языка достаточно трудно (хотя, как показывают лингвистические данные, *полиция* вытесняет *милицию* вполне уверенно — вопреки всем предсказаниям скептиков). Тем интереснее сравнить нашу ситуацию с теми странами, где повлиять на лексику тем или иным образом все же удалось.

Первой из таких стран на ум приходит Исландия: исландский язык можно считать лидером европуризма. Вместо того чтобы заимствовать из других языков, исландский язык обходится сложными словами, составленными из исконных корней, а то и находит в чулане забытое словечко из средневековых саг, бережно оттирает его от пыли и заботливо указывает ему новый смысл жизни (*sími* 'телефон' во времена викингов был всего лишь 'длинной нитью').

Принципиальное же отличие исландской языковой ситуации от наших охранительных попыток в том, что у них тенденция борьбы с заимствованиями — это не спущенная сверху директива, а, напротив, общенародная идея, поддержанная властями (впрочем, чего еще можно было бы ожидать от общества, которое и конституцию создает методом краудсорсинга). Эту атмосферу сложно описать в двух словах, но, наверное, нетрудно почувствовать: для миниатюрной, но преисполненной собственного достоинства нации, живущей в изоляции от всех на суровом северном острове, в стране, где до последнего времени было так мало чужих, что можно было спокойно оставлять не пристегнутыми велосипеды на улицах, и где саги шестивековой давности входят в топ самых читаемых литературных произведений, вполне естественно осознавать свой язык как один из важнейших элементов национальной идентичности и ревностно оберегать его от вторжений.

Нечто подобное произошло и в Чехии в XIX веке. Находившаяся несколько сотен лет в германоязычном мире, постепенно терявшая национальное самосознание и язык, в конце XVIII века Чехия вместе с другими славянскими народами вступила в период национального возрождения. Одним

гуманитарии

Конец 1930-х гг.

Языки СССР

В Советском Союзе меняется национальная политика и начинается форсированный переход на кириллицу. Переход происходит в жесткие сроки, обычно не больше года. Новые алфавиты создаются децентрализованно, зачастую малокомпетентными местными властями. Об успешном завершении перехода языков СССР на кириллицу было объявлено в июне 1941 года, но и после этого многие алфавиты и правила орфографии еще не раз менялись.

Избранные языковые реформы XIX–XXI вв.

Середина XIX в.

Норвежский язык

Лингвист Ивар Осен создает пуристическую норму норвежского языка, основанную на диалектах, в качестве «истинно норвежской» альтернативы официальному стандарту, сформированному на основе датского языка. Сейчас эти два варианта называются *нюнорск* (или *нюношк*, досл. 'новонорвежский') и *букмол* (досл. 'книжный язык') и являются официальными письменными стандартами норвежского языка.

Конец XIX — середина XX в.

Иврит

Единственный в истории человечества пример возрождения мертвого языка. Превращение древнееврейского языка в современный разговорный связано с именем Элиэзера Бен-Йехуды, сын которого стал первым носителем иврита как родного языка спустя более тысячи лет после его выхода из повседневного употребления. Иврит стал официальным языком Британского мандата в Палестине в 1922 г. и теперь является государственным языком Израиля.

Середина 1920-х — начало 1930-х гг.

Языки СССР

Активный процесс языкового строительства в СССР. Профессиональные лингвисты переводят на латиницу языки с уже существующей письменностью на арабской основе (азербайджанский, чеченский, адыгейский, таджикский) и некоторые кириллические (калмыцкий, коми и др.). С нуля создается письменность для бесписьменных языков (ненецкий, чукотский, хантыйский и др.). Всего было латинизировано около 70 языков СССР. В 1929 г. была даже создана комиссия по разработке вопроса о латинизации русского языка.

1941 г.

Немецкий язык

Вопреки распространенной ассоциации готического шрифта с немецкими нацистами именно Мартин Борман 3 января 1941 г. подписал меморандум, предписывающий отказаться от готического шрифта в пользу антиквы (т. е. современного начертания латиницы). В меморандуме указывается на якобы еврейское происхождение готических букв, но историки считают, что возможной причиной отказа нацистов от готики (превозносившейся в 30-е годы как «истинно немецкое письмо») стала трудность ее понимания жителями будущих оккупированных территорий. Кроме того, против готического шрифта, как несовременного, высказывался Адольф Гитлер.

1950-е гг.

Английский язык

В 1950 г. знаменитый ирландский драматург Бернард Шоу завещал огромную сумму на создание и распространение полностью фонетической орфографии для английского языка, не основанной на латинской графике. На конкурс было подано 467 вариантов, а победу в 1959 г. одержала система письма, созданная архитектором Кингсли Ридом. На ее основе было издано несколько книг, но широкого распространения «алфавит Шоу» не получил.

1951 г.

Норвежский язык

Норвежский парламент решил изменить систему числительных, заменив модель типа *seks og åtti*, досл. 'шесть и восемьдесят' (как в немецком языке) на модель *åttiseks* 'восемьдесят шесть' (как, например, в шведском или русском). Утверждалось, что норвежцы скоро перейдут на новую систему, как более удобную, однако традиционная система до сих пор активно используется в быту.

Конец 1960-х —
начало 1970-х гг.

Шведский язык

Du-reformen (досл. «Ты-реформа») в Швеции, направленная на упрощение сложнейшей системы обращений. До реформы в большинстве ситуаций общения обратиться к собеседнику напрямую было невозможно: адресата требовалось называть в третьем лице (он/она), именуя по титулу и фамилии. Реформа прошла на удивление быстро, и в современном шведском на *du* 'ты' нельзя обратиться разве что к членам королевской семьи.

1987 г.

Филипино (тагальский язык)

В названии официального языка Филиппин — филипино — меняется первая буква: теперь он называется филипино. Почему?

С 1930-х годов в многоязычном филиппинском обществе стала продвигаться идея о создании общенационального языка. В качестве основы был взят один из крупнейших местных языков — тагальский. Этот выбор пришелся не по душе носителям других языков, и спустя 50 лет замена в названии звука *p* на *f* символизировала уход от тагальской основы: в тагальском звука *f* нет, тогда как во многих других филиппинских языках он встречается.

Конец 1980-х —
начало 1990-х гг.

Языки стран бывшего СССР

В последние годы СССР и после его распада некоторые языки вновь переходят на латиницу. Первым в 1989 г. это сделал молдавский язык (хотя в непризнанном Приднестровье и сейчас в ходу кириллица). В 1991 г. латинскую графику начинает использовать азербайджанский язык, а с 1996-го — туркменский. Узбекский язык официально перешел на латиницу с 1995 г., однако кириллица до сих пор используется параллельно.

Начало 1990-х гг.

Сербскохорватский язык

После распада Югославии бывший сербскохорватский (или хорватскосербский, как его называли в Хорватии) язык распадается на три отдельных языка: сербский, хорватский и боснийский. Де-факто почти ничего не изменилось: в едином сербскохорватском языке и так официально существовали две равноправные нормы и две письменности: кириллическая и латинская.

Конец 1990-х —
начало 2000-х

Татарский язык

В 1999 г. Татарстан также попытался перейти на латинскую письменность, приняв соответствующий закон, который вступил в силу в 2001-м. Однако спустя несколько месяцев Госдума внесла поправку в федеральный закон «О языках народов РФ», запрещающую государственным языкам республик РФ использовать что-либо, кроме кириллицы. И в 2004 г. Конституционный суд отменил закон о татарской латинице.

2007 г.

Черногорский язык

После распада в 2006 г. Государственного союза Сербии и Черногории официально появляется отдельный черногорский язык, ранее считавшийся диалектом сербского. Его орфография закрепляется только спустя два года после провозглашения черногорского языка в конституции: в алфавите появляются две новые буквы. Многие, однако, не используют их, предпочитая традиционную сербскую орфографию.

2010 г.

Белорусский язык

С 1 сентября начинают действовать новые правила орфографии. Реформа уточняет спорные случаи написания заимствований и ликвидирует часть исключений. Изменения затрагивают не очень много слов, но среди них оказывается и числительное-исключение *пяцьдзесят* '50', которое по новым правилам пишется как *пяцдзясят*. Из-за этого приходится перевыпустить все купюры в 50 и 50000 белорусских рублей, хотя в обращении до сих пор встречаются «дореформенные».

2013 г.

Молдавский язык

Конституционный суд Молдовы признал государственным языком румынский, тем самым, по сути, отказав молдавскому в статусе языка. Эти языки действительно практически идентичны, но этот случай — редчайший пример добровольного понижения статуса языкового образования (гораздо чаще наоборот: бывшие диалекты «повышают» до языка).

из важнейших этапов этого периода стал обнаружение филологом Вацлавом Ганкой двух старинных манускриптов: Краледворской рукописи XIII века и Зеленогорской рукописи, созданной, ни много ни мало, на рубеже IX – X веков! Эти древние артефакты стали настоящей сенсацией, символом восстановления этнического самосознания, доказательством богатства истории чешского народа, глубочайшей литературной традиции и величия чешского языка.

Подлинность обеих рукописей была опровергнута только в конце XIX — начале XX веков: манускрипты оказались искусной подделкой Ганки, который сделал это, по-видимому, не из корыстных побуждений, а ради будущего своего языка и своей нации. И хотя величайшая чешская сенсация XIX века оказалась фальшивкой, своей цели Ганка все же достиг: рукописи сыграли одну из главных ролей в красивой истории воскрешения чешской самоидентичности и роста статуса чешского языка. В пылу сражений с немецким влиянием, когда немецкий язык изгоняли из высоких сфер, в перерожденном чешском досталось даже старым заимствованиям из классических языков: чехи не ходят в театры и библиотеки, не учатся в Институте чешской истории и слушают музыку только в неформальной обстановке — ведь для спектаклей есть *divadlo* (от слова *divit'sya*), для книг — *knihovna*, изучать историю приходится в *Ústavu českých dějin* (ср. *деяния*), а на концертах обычно исполняют *hudbu* (тот же корень, что в *гудеть*).

Впрочем, из глубин *dějín* вернемся в наш век. Некоторым политикам в сфере лексикографии улыбалась большая удача, чем членам партии ЛДПР. В 2002 году президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, более известный как Туркменбаши — «глава туркмен», повторил опыт Великой французской революции, своим указом заменил все традиционные названия месяцев григорианского календаря на более актуальные: январь, например, стал месяцем *Türkmenbaşy*, апрель — *Gurbansoltan* (в честь матери президента), а сентябрь — *Ruhnama* (в честь написанной им книги). Дни недели также получили названия, составленные из тюркских корней (до того использовались персидские заимствования): *Başgün*, *Yaşgün*, *Hoşgün* — 'главный день', 'молодой день', 'благоприятный день' ... При этом те же слова использовались даже в туркменских газетах на русском языке: «Подтверждением тому служит Указ главы государства о том, чтобы в первый Дынчгюн месяца Огуз отмечать национальный праздник — День работников текстильной промышленности Туркменистана». Впрочем, спустя два года после смерти Ниязова, в 2008 году, страна вернулась к прежним названиям. И хотя у месяцев старые названия восстановились моментально, новые дни недели успели крепко прижиться и заменились прежними далеко не сразу.

Вредительская грамматика и правописание

Наибольшее давление на язык оказывается в обществах, имеющих сильную государственную идеологию. В подобных системах формируется особое отношение к языку, а сам язык воспринимается как средство борьбы за достижение государственных идеалов. Процессы, происходящие в современном русском языке, описывает в своих работах известный лингвист Мак-

гуманитарии

Несогласие властей признать какой-либо язык в качестве официального нередко вызывает серьезные конфликты. Однако ситуация языкового равноправия тоже может привести к жертвам. 27 марта 2011 г. в районе бельгийской деревни Пекро произошло лобовое столкновение поездов, унесшее жизни 8 человек. Одной из причин катастрофы стал языковой барьер между франкоязычным диспетчером из Вавра и его нидерландоязычным коллегой из Лёвена. Французский и нидерландский являются официальными языками Бельгии, и, по уставу Бельгийских железных дорог, сотрудникам достаточно владеть любым из них.

сим Кронгауз, а мы в качестве примера рассмотрим борьбу на лингво-идеологическом фронте в советской Белоруссии 30-х годов.

В мае 1930 года ЦК Коммунистической партии Белоруссии выпустил секретную резолюцию «Выводы дискуссии о языкознании», в которой были сформулированы взгляды на развитие белорусского языка, ставшие каноническими почти на три десятилетия. Основной идеей стала борьба с «контрреволюционными национал-демократическими элементами», якобы использовавшими язык в своих антисоветских целях. В своей служебной записке на имя Сталина первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко докладывал о «создании вредительской грамматики и правописания», о «собственной выдумке новых слов» и «введении в литературный язык слов, записывавшихся от неграмотных стариков и старух и детей, не посещающих советскую школу». Особенно был возмущен Пономаренко фонетическим принципом письма (т. е. отображением на письме произношения, в первую очередь аканья), который он считал «искажением правописания в националистическом духе».

Письмо Пономаренко было написано в 1938 году, но живо отражает и настроения властей по отношению к белорусскому языку в начале 30-х, когда текущее положение дел требовало экстренного вмешательства и срочного принятия специальных мер. Меры не заставили себя ждать. В марте 1933 года замдиректора Института языкознания БАН Язэп Матюкевич, назначенный туда в 1930 году на место репрессированного Лесика (о котором шла речь выше), отчитывается об «очищении Академии наук от нацдемовских элементов, которые особенно много вредили на лингвистическом фронте» и докладывает о планируемой реформе белорусской орфографии, которая должна очистить язык от «всего того вредного, за что цеплялись нацдемы, проводя буржуазно-националистические тенденции».

Столь важное и ответственное дело, разумеется, нельзя было отдать на откуп каким-то языковедам. В мае того же года ЦК КПБ постановляет создать политическую комиссию по пересмотру русско-белорусского словаря и правил правописания белорусского языка. Комиссия тут же принимается за работу.

Новые правила, принятые спустя три месяца в целях, в том числе, «полного подчинения белорусского правописания задачам воспитания рабочих масс в духе пролетарского интернационализма», сильно приблизили белорусский язык к русскому. Несмотря на заявленную орфографическую направленность, реформа затрагивала и грамматику (между прочим, редчайший случай, возможный только благодаря близкому родству языков). Так, постановлением Совета народных комиссаров в язык вводились причастия, которые рекомендовалось использовать особенно в тех случаях, когда они «отмечают социальный смысл», например *пануючы класс* — 'проявляющий класс' или *эксплеатуемы класс* — 'эксплуатируемый класс'. Отдельное поразительное правило вводило специальный список исключений, не подчиняющихся фонетическому принципу письма, — хотя обычно реформы направлены на ликвидацию исключений. Такой чести удостоились интернационально-революционные слова, которые следующие двадцать лет писались через *о* — *рэвалюцыя* (но *эвалюцыя*), *комунізм* (но *каманда*), *пролетарый*

Противники реформы русской орфографии 1918 г. в качестве одного из аргументов о ее вреде приводят искажение названия романа Льва Толстого «Война и мир». Утверждается, что изначально роман назывался «Война и мирь», где слово *мирь* означало «общество», — и это понимание было утрачено из-за отмены буквы *і*. На самом деле, это заблуждение: в прижизненном издании романа на обложке значится слово *мирь*, обозначающее «отсутствие войны».

(но *пралет*). В связи с этим пришлось даже герб поменять: раньше там соединялись *пралятары*, а после 33-го года соединяться стали *пролетары*.

Приключения лозунга на гербе, правда, на этом не закончились. Русскоязычного секретаря ЦК КПБ Надежду Грекову возмущало, что в белорусском варианте лозунга слово *соединяйтесь* переводится глаголом *злучайцеся* (собственно, единственно возможным эквивалентом). Как человек, который подписывает директивы колхозам о начале «случной кампании для скота», она считала, что по отношению к пролетариату такой призыв звучит совершенно кощунственно. Был предпринят мозговой штурм, и развратное *злучайцеся* («соединяйтесь») заменили на близкое по смыслу, но более приятное по звучанию *яднайцеся* («объединяйтесь»). Слово *яднайцеся*, правда, тоже не очень устраивало Грекову, потому что теоретически могла возникнуть необходимость при печати перенести лозунг со строки на строку, и тогда при делении этого глагола могло бы оказаться, что пролетарии всех стран — *яд-*. И неважно, что *яд* по-белорусски будет *атрута*, а *е* в первом предударном слоге всегда превращается в *я* (*сястра, вясна*). Партия сказала: «Надо!» — и слово-исключение *еднайцеся* заняло свое место на гербе. Отменили оканье в «революционных словах» и *е* в *еднайцеся* только в 1958 году, но *злучайцеся* в лозунг так и не вернулось.

Кесарю кесарево

Итак, когда язык встречается с политикой, начинают твориться удивительные дела — когда однозначно вредные, когда спорные. Впрочем, даже подготовленные профессиональными лингвистами изменения могут оцениваться двояко: то, что лингвисты оценивают как замечательные и правильные решения, неспециалисты в силу привычки и консервативности порой воспринимают как абсолютное зло. Что касается рассуждений о порче языка лингвистами-реформаторами, важно понимать, что в нормальной ситуации реформированию поддаются только орфография и — несколько труднее — лексический состав языка, а если говорят о порче грамматики, то это уже заведомые заблуждения.

Лингвополитические события, о которых шла речь, все же особые случаи. И хотя в трудах Ленина можно найти рассуждения о заимствованиях, а труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» занимает первое место по количеству переводов на иностранные языки среди всех лингвистических книг, написанных по-русски, хочется все же верить, что вопросами языкознания будут заниматься лингвисты.

Арутюнова Е. В. Правда и мифы об изменениях в русской орфографии (на материале прессы 2000–2002 гг.) / Меди@альманах №2 (55), 2013

Працы Акадэмічнае канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Мінск, 1927

Lewis, Geoffrey L. The Turkish language reform: a catastrophic success. 1999

А. Калубовіч. Крокі гісторыі. Мінск, 1993

Дворцовая площадь Петербурга — редкий случай архитектурной гармонии

текст

Владимир Седов

доктор искусствоведения,
профессор

Барочный дворец мог бы подавить площадь, но ее размеры лишают его этой возможности. Генеральный штаб с его аркой и «полукругом» (который не совсем полукруг, а довольно плавная дуга) находится далеко. Колонна центрирует площадь, которая без нее была бы немного расплывчатой

Площадь с запада открывается в сторону Адмиралтейства (справа) и Исаакиевского собора (слева), эти далекие и близкие вертикали вступают в причудливые, но не противоречивые отношения с Александринским столпом

Арка Генерального штаба направлена строго на центр дворца, Арок даже две, что создает при постепенном приближении к площади со стороны Большой Морской впечатление все большей торжественности. Когда Монферран вписал в арку колонну, он сделал почти невозможное: колонна «уместилась» в арочный проем и встала перед дворцом так, что получилась новая и нерушимая целостность.

Само слово *ансамбль* ('вместе' — фр.) предполагает наличие нескольких составляющих. У нас много всего разного называют ансамблем. Но это не значит, что скопления зданий и впрямь стали ансамблями. Искусствоведы осторожничают, а потому группу зданий часто называют просто комплексом.

Настоящих ансамблей, созданных одной волей или сложившихся в результате диалога нескольких волей, немного. И Дворцовая площадь, безусловно, является законченным ансамблем. У всех зданий здесь одна высота, заданная высотой Зимнего дворца. В результате площадь превращается в интерьер, хотя и без крыши. Дворец все равно главный, он массивный, пышный. Перед ним простирается обширная площадь, оканчивающаяся полукругом Генерального штаба, приглашающим смотреть на дворец и как будто расступаясь перед ним. В этом полукруге прорезана

арка, оканчивающая Большую Морскую улицу. Арка направлена на дворец. По сторонам у площади есть прорывы — улицы и площади, сообщающие ее с другими городскими пространствами. Центр выделен Александровской колонной. Итак, дворец, полукруг Генерального штаба, арка в нем, колонна посередине. Спокойный, ясный ансамбль, от которого захватывает дух. Это создали последовательно: Карло Бартоломео Растрелли (дворец, середина XVIII в.), Карл Росси (полукруг уже был, но его заполнил заново и создал триумфальную арку именно он, это первая треть XIX в.) и Огюст Монферран (колонна, 1830-е гг.). Сложение усилием было важно только сначала, потом уже, в эпоху Росси и Монферрана, ансамбль создавался как диалог, в котором учитывались «мнения» другого. Получилось пространство в состоянии устойчивого равновесия, которое в данном случае и есть гармония.